ШЕВЧЕНКО ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА

Доцент кафедры
философии и социологии,
Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники.
Кандидат философских наук.
Томск. Россия.
E-mail: a-risa@mail.ru

СМИРНОВ СЕРГЕЙ АЛЕВТИНОВИЧ

Главный научный сотрудник
Института философии и права СО РАН.
Доктор философских наук.
Новосибирск. Россия.
E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

РАЗГОВОР. ПРОДОЛЖЕНИЕ[1]

«МОЙ ВЫГОТСКИЙ»

DOI: 10.32691/2410-0935-2026-21-258-264

Шевченко Л. В. Размышления о невосприятии идей, содержащихся в работах Л.С. Выготского, современными практиками (в образовании, например) приводят меня к осознанию того, что эти идеи заключают в себе гораздо больше пластов, чем предполагает предметность «психология». Сегодня, когда размышления о сознании, «природе» человека, его укладе жизни, политическом строе становятся крайне острыми, есть особый повод поговорить о масштабе и значимости идей Л.С. Выготского.

Вспомним общеизвестное. Если следовать культурно-историческому подходу, то возникновение психики и сознания принято рассматривать как результат коллективной деятельности. Автор одного из учебных пособий сравнивает такой феномен с ульем пчёл — весь улей является субъектом, и сознание — это предикат всего улья. Так и в человеческом сообществе: сознание изначально — предикат всего сообщества. Таким образом, можно сказать, что самое ключевое человеческое — это результат процессов, происходящих между людьми, какого-то специфического отношения друг к другу и ко всем. Вначале было общее, а только потом стало возможно индивидуальное сознание, но

[1] Продолжение. См.: *Шевченко Л. В., Смирнов С. А.* Испытание на всхожесть. Разговор // Человек.RU. 2023. № 18. С. 234–279; *Шевченко Л. В., Смирнов С. А.* Испытание на всхожесть. Разговор. Часть 2. // Человек.RU. 2024. № 19. С. 268–298; *Шевченко Л. В., Смирнов С. А.* Испытание на всхожесть. Часть 3. Разговор о поколении // Человек.RU. 2025. № 20. С. 222–241.

всё же ещё не уходившее далеко от какого-либо коллектива, будь то дружина, крестьянская община, советский союз, крепкая семья, трудовой коллектив. XXI век привнёс радикальное разрушение каких бы то ни было союзов (кроме финансовых), и неколлективность человека стала залогом его «одиночного», атомарного сознания. В порядке вещей стало мыслить человека, его психику и высшие психические функции, не полагая вообще никакой общей рамки коллективного субъекта. Мыслить как монаду, вынося при этом далеко за скобки исторический подход. Здесь пропадает сам генеративный элемент, то самое «между» людьми. Эта проблематика появляется у Выготского в концепции интериоризации. Понимание интериоризации здесь — это не просто технический процесс, действующий одинаково всегда и везде, к чему ближе понятия «импритинг», «подражание». Понимание интериоризации имплицитно содержит в себе какой-то определённый уровень, качество общей культуры «между людьми». Современный молодой человек, наследник модерна из поколения зуммеров — герой мемов о гиперироничности — у него тоже происходит такая же интериоризация? К примеру, по мнению Ф. И. Гиренка, основная роль, отводимая человеку финансовым капитализмом — это имитатор. И как устроено то «между» у людей в таком обществе? Что происходит с интериоризацией здесь?

Психология Л.С. Выготского — это, по сути, антропология, не просто связанная с социо-культурными условиями своего времени, а гениально отразившая их в определённой области знаний. «Психология Выготского» — это антропология, учреждающая человека как институт, вбирающая в себя и политологию тоже. Она задаёт общую антропологическую альтернативу «человеку наличному». И быть приверженцем его подхода — это значит занять подобную позицию в отношении человека и тем священным местом «между» людьми. Это значит иметь определённый этос и, по всей видимости, веру. Онтологическая составляющая творческого наследия Л. С. Выготского очень... ёмкая и требует огромных усилий от человека современного.

Часто вижу, как молодые специалисты, преподаватели, взрослевшие в мире «частных» людей с частными сознаниями, просто не способны воспринимать идеи Выготского в силу того, что это предполагает совершенно другую оптику. А однажды я была свидетелем того, как идеи Выготского характеризовали в качестве исторического этапа в развитии психологии, преодолённого в силу развития нейробиологии, которая «всё объясняет».

Смирнов С. А. Я согласен с исходным посылом Ларисы Владимировны. То, что предъявил Выготский «городу и миру», — больше, чем психология, и тем более, больше, чем психология того времени. Уже сам замысел, замах на «акмеистическую», «вершинную» психологию, предполагал выход за рамки, ход по диагонали по сравнению со всеми тогда существовавшими версиями и парадигмами в психологии.

Это был, конечно, антропологический проект вершинного человека, человека в его высших проявлениях. Именно проект. В этом смысле Выготский должен быть также включен в список носителей так называемого антропологического поворота, который совершался тогда, в 10–30-х годах XX века, сто лет назад. Наряду с Хайдеггером, Бахтиным, Флоренским, Шелером...

Но именно эту рамку и не удерживают ни его последователи, ни исследователи. Они не понимают, например, связи между КИП (существующий уже в

разных версиях, либо с уклоном в деятельностный подход, либо в феноменологический, либо когнитивный и проч., и это все ее редукции) — и «Психологией искусства». А тем более — при чем тут его дипломная работа о Гамлете. Они не понимают, при чем тут Спиноза с его аффектом и разумом? Не все понимают, при чем тут споры о смысловом поле. И многое другое. А если пытаются понять, то выдают свои трактовки.

Но проблема здесь, думаю, не эпистемологическая, не знаниевая, не связанная с какими-то теоретическими конструктами и биографиями людей. Проблема здесь — в величии замысла и окаянстве самоопределения. Ту рамку и тот горизонт, который он поставил себе и науке — ее как раз мало кто может удержать. Все так или иначе эту рамку пытаются занизить, приземлить, редуцировать. Брать что-нибудь попроще, попонятнее, сподручнее, чтобы это можно было как-то употребить, вписать в книжки, учебники, чтобы за это еще премию дали, наградили ...

Плюс ко всему, Выготский — автор не доктринальный. Он поисковик, навигатор. Он все время искал, шел вперед. И шел быстро. За десять лет создал школу. И прошел огромный путь. Соратники за ним не поспевали. Поэтому понимать его трудно. Ведь когда ты обычно читаешь текст, то ты хочешь зафиксировать, осмыслить, остановиться. Чтение требует остановки и осмысления того отрывка, который ты прочел. Но это было сказано и написано в контексте, в конкретное время, конкретным собеседникам, по поводу конкретной ситуации. И делать обобщающие выводы здесь опасно.

Но это все касается исследователей, ученых, психологов, представителей (записывающих себя туда) КИП. Что же касается новых поколений, студентов, то они вообще не понимают, как читать Выготского. Они в лучшем случае могут просто повторить то, что написано в тексте. Хотя книг они не читают, тем более научных. Но они не удерживают контекста, не понимают, не ловят того воздуха и атмосферы, которой дышал Выготский и его соратники. То время ушло. Это как и с Бахтиным. То время, когда они творили, ушло. И мы вынуждены интерпретировать, понимать, трактовать... И незаметно для себя присваивать себе автора, делать его удобным для себя. Присваивать ту трактовку, которая нам удобна, которая ложится на наши представления...

Теперь дальше, в связи с тем, что отметила Лариса Владимировна о коллективном субъекте. Я думаю, здесь большая ловушка. За словами об общественном характере деятельности человека, о том, что он живет среди людей, а значит осваивает образцы, находящиеся изначально вне его, мы почему-то делаем отсюда вывод о том, что и мышление у нас коллективное. Мол, мы же среди других. И мыслить мы можем только вместе, с Другим. Вместе с Другим. Мы же не монады.

Так хочется думать. Но ведь все по факту не так. Потому что самоопределение возможно только мое. И мыслить могу только я сам. Как и любить только сам. Как и жить. Да, я живу среди людей. Тем более тогда я не имею права мыслить неправильно, грубо, не чисто. В этом смысле ключевая проблема как раз и заключалась у Выготского — в том, чтобы понять, что значит человек начинает мыслить. И что значит человек в его свободе. Это для него рамочная проблема. Интериоризация лишь средство. Это мелочевка. Причем, грубо понятая последователями. Она вовсе не предполагает механического перевода функции из

социального, внешнего плана — во внутренний. Это сильная редукция и огрубление. А вот что значит человек, рождающийся среди людей и не имеющий никакого мышления и никакой свободы, затем начинает мыслить и говорить? Да, ребенку помогает взрослый. Но взрослый за ребенка не сделает ничего вместо него. Даже ложку каши он не съест за него. Эту кашу ребенок должен съесть сам.

Шевченко Л. В. Сергей Алевтинович, вот тут я вынуждена не согласиться. Попытаюсь зафиксировать саму точку несогласия. Да, ключевая проблема у Выготского про то, «что значит человек начинает мыслить» и «что значит человек в его свободе». Согласна с этим. Но то, как Выготский рассматривает интрапсихическое и интерпсихическое, преодолевает понимание «коллективного мышления» как и понимание того, что человек «самоопределяется и любит только сам».

Как говорил ещё один выдающийся современник Выготского: «Индивид не первичен (не онтологичен), а соотношение “Я-Ты” (другой) первично». То, что Выготский рассматривает мышление через рамку психики и исторически, то что исследует мышление в связке с языком, то как понимает сам язык (слово как развитой знак, скрывающий в себе обобщение прежнего опыта и заключающий в себе возможный будущий смысл, привносимый своим опытом) — это, на мой взгляд, задаёт возможность не «индивидного» понимания психики и мышления человека. Разве не по пути индивида пошёл бихевиоризм, отрезав тем самым человека от ... времени и от возможных «ты», которые и составляют основное условие живого отношения и действия? Мы не «мыслим только вместе с другими», но мы мыслим в настоящем диалоге с другими (диахроническом и синхроническом — возьму термин из лингвистики).

Я хочу сказать, что мысль Выготского о человеке имплицитно имеет некие телеологические рамки, некое представление о целом, в котором осмысляется человек с его мышлением и свободой. Без этих рамок разговор о самоопределении и мышлении становится волюнтаристским, лишённым исторического смысла. Вопросы человеческого мышления не изымаются из рамки социогенеза, как это происходит во многих современных нейробиологических подходах, например. Основная ценность исторического подхода именно в том, что он не даёт абстрагироваться от этих рамок целого, не даёт уйти в формально-логические обобщения. На индивидуальном уровне эта рамка выражается в диалогичности человека, языка, мышления.

Блаженный Августин в своё время выделил два типа солидаризации людей: стремление человека к человеку как к цели и стремление человека к ресурсам и людям как соратникам по захвату этих ресурсов. Нетрудно провести аналогию с современным положением — устремлённостью к ресурсам как основной парадигме понимания общества и человека. Очевидно, в такой рамке разрушается исторические видение человека, его психики и мышления. И это является значительной преградой в понимании идей Л. С. Выготского.

Смирнов С. А. Сильно сказано, Лариса Владимировна. Правда, я не совсем понял, с чем Вы не согласны. С тем, что человек совершает свое самоопределение только сам, и никто за него это не сделает? Вы же вроде не против этого. Но добавляете, что это он совершает в диалоге с Ты, с Другим. Вроде это тоже очевидно.

Но тут ведь закавыка в том, что изначально-то нет никакого Я и Ты. И нет никакого готового субъекта, готового идти на диалог. У него на это нет ни сил, ни желания, ни ресурсов, ни «органов». Изначально он тот самый индивид, с желаниями, потребностями, страстями, аффектами. Здесь бихевиоризм и остановился. Он рассматривает человека как готовое существо, не исторически. А КИП и начинает с рассмотрения человека в развитии, но последнее при этом понимается через феномен овладения человеком своими желаниями, аффектами и становление через это его субъектности. А на диалог ему еще надо решиться пойти. Решиться открыться. Диалог — это испытание. Диалог наш брат человек не выдерживает. Боится, прячется, скрывает свои слабости и прихоти. Или имитирует этот диалог. Вместо него мы имеем перепалку или просто обмен монологами.

Историзм ведь не механический процесс и сам по себе он не происходит. И он не анонимный, не нейтральный. История — суть живая динамика изменения человека, которую он испытывает, переживает. С болью, с радостью, с упованием на лучшее. Это ведь не анонимный и безымянный «всемирно-исторический процесс». Это история событий и свидетельств собственной трансформации, история испытаний, про которые надо быть готовым рассказать другому. В надежде, что этот другой тебя поймет и примет как ты есть, а не начнет оценивать и править.

В этом смысле разговор о первичности и вторичности — тупиковый. Да, индивид не первичен. Но и диалог не первичен. Индивидность свою человек в себе лелеет, впадая в нарциссизм. Диалог он не выдерживает просто. Первичность акта развития в этом случае — в ситуации самоопределения, на которое человек либо решается, либо не решается. А в этом акте он, разумеется, нуждается во встрече с Другим, Иным, которую (встречу) надо еще выдержать. Частенько наш брат лукавит, говоря о «готовности» идти на диалог.

Поэтому никакой интериоризации (то есть перевода социальной функции извне вовнутрь) по большому счету нет. Это грубая вульгаризация. Выготскому надо было акцентировать общественный характер акта развития. Но дальше-то надо идти вовнутрь. Что там происходит? Мы сильно редуцировали смысл этого процесса. Это просто невозможно. Возможно другое — внешний способ действия берется как образец и остается им. А индивид, желающий становиться субъектом развития, выстраивает в себе и на себе свой способ действия, ориентируясь на внешний образец, формируя у себя его образ. И никакого овнутрения нет и быть не может.

Шевченко Л. В. Сергей Алевтинович, в Ваших словах я ощущаю что-то, чрезмерно оценивающее роль субъектности — «*своё* самоопределение, *только сам*». Боюсь, что такое самоопределение становится лишь превращённой формой чего-то более существенного. Да, человек рассматривается в развитии, но, на мой взгляд, Выготский не просто акцентировал общественный характер акта развития, он показал, что у человеческой психики (сознания) социальная природа. Общественное и то, что происходит «внутри» человека — это как лист Мёбиуса. Мне кажется, редуцирован именно «общественный характер», социальное.

Постараюсь обойти слово «диалог». Зайду с другой стороны, усилю этот аспект. Часто вспоминаю иллюстрацию А. Н. Леонтьева (групповая охота древ-

них людей) которой он показывает, что если мотив и цель совпадают, то это ещё не сознание, а когда они расходятся — только здесь появляется сознание: мотив должен быть общим, а цели свои. Вот здесь я вижу принципиальную основу социального. Язык, понимаемый Выготским как средство общения и обобщения — это то, что даёт посмотреть на мир «глазами» общества, других. И только при так освоенном языке, только при этой предпосылке «общего мотива» человек становится временным человеком, а значит продолжающим чью-то деятельность. Точнее, мóгущим продолжить. И не просто мóгущим... Становится неким герундивом — страдательной необходимостью, обязательством продолжения. А самоопределение здесь — это уже частный инструмент. Если же мы выносим за скобки всю эту сложность в понимании общественного, языка, его значений как социального феномена и пр., то и самоопределение становится, скорее, выпадением из времени, а не его позвонком, актом самозванства, знать не знающим «общего мотива».

Именно в этом, как я понимаю, мудрость и гениальность «исторического» подхода.

Смирнов С. А. Наш разговор как-то начинает крутиться по весьма банальной схеме — что первичнее, курица или яйцо. Личное и личностное самоопределение или общественное начало, социальность, язык...

Но ведь очевидно, что это ложное противопоставление, поскольку самоопределение — не частный инструмент, а необходимое, хотя и не достаточное условие пребывания человека в мире как существа, пытающегося состояться в нем, найти свое место. А вот наличие социального начала, среды, языка не может быть достаточным условием для этого.

Пример про охоту вообще не вполне корректен. Ведь люди в том патриархальном обществе, разумеется, были существами коллективными. Как и охота — дело коллективное. И только вместе они могли завалить крупного зверя и выжить. В древнем обществе сознание принципиально мифологическое. Там человек мифа по-другому и мыслить не мог. А род и родовой миф были условием существования и выживания каждого члена рода.

Сейчас не так. Сейчас внешние условия, среда, язык, коллектив не могут быть достаточным условием твоего состояния в мире. Ты должен сам приложить к этому усилие. Как в любом деле. Сначала, конечно, должна быть вода, чтобы начать учиться в ней плавать. Но пока ты руками не начнешь учиться грести, ты утонешь.

Тут ведь еще другой момент. Субъект субъекту рознь. Вот Выготский с него и начал. Но как с метафизического субъекта, с Гамлета. С мистической фигуры. Век вывихнут. Но только я и призван его связать, преодолеть этот вывих. Я готов на это. Вот про такого субъекта изначально идет речь. Но это же не про самозванство. Это про готовность. Самозванство начинается, когда происходит подмена — вместо самоопределения подсовывается обладание, власть, непомерное желание и проч.

И кстати именно эту историю Гамлета соратники Выготского и не поняли. В итоге мы получили чуть ли не детектив, целую отдельную историю, драму с публикацией его «Психологии искусства» и его «этюда» о Гамлете. А у Выготского это было Начало: сначала Гамлет (плюс к нему мысли о своем еврействе, плюс «мой Спиноза», с самых ранних размышлений), а уже потом только мысли

о том, что психологии нужен свой «Капитал», разработка инструментального метода и модели опосредствования и роль языка в акте мышления. А в конце — опять Спиноза.

И это все — Выготский! Целый мир! Он не умещается ни в какие готовые рамки и готовые схемы. Вопрос о том, что раньше, Я или Ты, субъект или внешняя среда — вообще не стоит. Самоопределение мое — это не про Я, не про меня индивидного. Это про то, что значит сопрягать мое усилие с тем, что вокруг, что значит найти свое место в этом уже существующем мире, который без меня будет не полон!

Спасибо, Лариса Владимировна, за приглашение к Разговору.

Шевченко Л. В. Как говорил ещё один наш гений: «Без меня народ не полный», немного иначе полагая телеологическую рамку.

И Вам спасибо, Сергей Алевтинович, за разговор, сам жанр которого самоопределенческий: говорить от себя об общем достоянии. Обдумывая ответы вам, ловила себя на удивительном ощущении: вроде нет никакой внешней необходимости думать о таких непростых вещах, но в то же время ситуация разговора обязывает очень чётко понимать своё отношение к обсуждаемому вопросу: как я чувствую и думаю, а не просто развивать заданную тему. Редко мы находимся в таком силовом поле.